

Часть 1

Сакута и Май отправились в свой путь по линии Токайдо со станции Фудзисава, так они проехали около часа на запад – примерно пятьдесят километров. Серебристые вагоны, окрашенные зелеными и оранжевыми полосками по бокам, везли их напрямик через префектуру Канагава в Атами – город, знаменитый своими горячими источниками, в префектуре Сидзуока.

Было семь часов вечера.

Им необходимо было выяснить.

Что же случилось с Май?

Кто мог ее видеть? Кто еще помнил ее?

Сначала они верили, что симптомы «Подросткового синдрома» были сосредоточены только на Май. Сейчас вопрос был в масштабах этого феномена, заставляющего Май страдать. Насколько сильно он распространился?

По пути сюда они сходили с поезда на станциях Чигасаки и Одавара, но и там никто ее не видел.

Сакута поспрашивал нескольких прохожих, знают ли они, кто такая Май: «Хм?», «Кто?», «Никогда не слышал о ней», «Не в курсе про нынешнюю молодежь». Ни одного положительного ответа. Когда они достигли станции Атами, он вновь попытался расспросить людей, но так ничего и не изменилось.

Все, видимо, и вправду позабыли о Май Сакурадзиме. Казалось, что они никогда и не знали о ее существовании.

Май безэмоционально наблюдала за ними. Ее спокойствие было непоколебимым, не было и намека на удивление, печаль или страх, она чем-то напоминала безмятежное озеро.

Стоя на платформе станции Атами, Сакута взглянул на электронную таблицу с расписанием поездов.

Им надо было пересесть на другой поезд, чтобы уехать дальше, несмотря на то, что они, как и прежде, были на линии Токайдо. Все потому, что их поезд совершил на станции Атами свою конечную остановку.

Он знал, что было отправление в сторону Шимады в одиннадцать минут восьмого, однако он не

имел ни малейшего понятия, где находится эта станция и в какой префектуре. Но по карте стало понятно, что станция располагалась западнее Сидзуоки. Этого было вполне достаточно.

Шесть минут до отбытия. У них еще было немного времени.

— Я пойду, позвоню сестре, — сказал Сакута.

Он подошел к таксофону возле магазина на станции, вставил монетку и поднес трубку к уху. Введя номер, он услышал гудок.

Минуту спустя ему пришлось воспользоваться автоответчиком.

— Каэдэ, это я.

Его сестра никогда никому не отвечала, кроме Сакуты, из-за этого ему сначала приходилось говорить через автоответчик.

— Привет, братик.

— Хорошо, что ты еще не заснула.

— Сейчас же только семь, — даже не имея возможности видеть ее сейчас, он мог сказать, что она надула свои щеки, — Что-то случилось?

— Прости, я не смогу сегодня вернуться домой.

— А?

— Появились некоторые дела, я сейчас далеко от дома.

— Что еще за дела такие?

— Ну... — он замялся на секунду, но решил, что должен спросить ее, — Каэдэ, ты помнишь девушку, что приходила к нам недавно? Май Сакурадзима?

— Впервые слышу братик.

Она уверенно ответила ему, будто это был какой-то пустяк.

— ...

Следующие слова так и не были произнесены. Он прикусил губы, ожидая, пока его бушующие чувства внутри не утихомируются.

— А кто это? — ревниво спросила сестренка.

Сакута едва мог ее слышать. Было невыносимо осознавать, что очень близкий ему человек заставил взглянуть правде в глаза. Разговор с Фумикой Нандзе вызывал схожие чувства. Даже разговоры с прохожими, которые говорили, что не знают Май, ощущались куда менее тяжело.

Их совместные воспоминания взаправду испарялись. Все меньший круг людей разделял их. Для него все это становилось куда более серьезным.

— Ничего страшного, если ты не помнишь, все хорошо, — выдавил из себя Сакута, — На ужин тебе придется заварить лапшу быстрого приготовления, она в кухонном шкафу, возьми любую, какая тебе понравится. Не забудь покормить Насуно и почистить зубы перед сном. Я еще позвоню, спокойной ночи.

— Ээ, чего? Подожди!..

Закинутая в автомат монетка на десять иен закончилась вместе с ее визгом и звонок оборвался.

К тому же поджимало время, поезд совсем скоро отходил.

— Пошли, Май.

— Да, идем.

Сакута и Май сели на поезд, стоявший на второй платформе и отправились на станцию Шимада.

Часть 2

Поезд покинул станцию Атами, огибая Тихоокеанское побережье, направляясь дальше на запад. Они вновь пересели на другой поезд на станции Шимада и Тойохаши, откуда отправились из Сидзуоки в префектуру Аичи. Они проехали сотни километров, направляясь в префектуру Гифу.

В дороге Сакута расспрашивал людей из тех мест, где он прежде не бывал, о Май, но не нашел

ни одного человека, который знал бы Май Сакурадзиму или хотя бы видел ее.

Теперь они находились в поезде, направляющемся в Огаки.

Они уехали настолько далеко, насколько позволял сегодняшний день. На момент прибытия уже будет полночь. С каждой остановкой количество пассажиров сокращалось.

Колеса, двигаясь по рельсам, издавали скрежещущий звук, а стыки вагонов – легкое постукивание. По мере того, как шум толпы уменьшался, окружающие звуки все больше и больше походили на колыбельную.

Место, рассчитанное на четверых, опустело, и Сакута с Май уселись рядом друг с другом.

— Второй город в префектуре Гифу, по численности населения, находится сразу после города Гифу, — внезапно сказала Май, глядя в экран телефона.

— Ты о чем?

В вагоне едва можно было насчитать несколько пассажиров. Казалось, что они с Май были одни.

— Огаки.

— А, ясно.

— Говорят, что там полно грунтовых вод.

— Ну, я всегда рад чистой водичке.

— ...

— ...

Когда они замолчали, звуки поезда скрасили тишину. Снаружи было настолько темно, что ни о каком наслаждении красивыми пейзажами и речи не шло, но Май все равно прислонила локоть к небольшому столику, стоящему возле оконной рамы, наблюдая, как пролетают доселе незнакомые места.

Они просидели в тишине, не обмолвившись ни словом, минут десять.

— Эй, Сакута...

— Что такое?

— Видишь ли ты меня?

Она смотрела прямо на его отражение в окне.

— Да, яснее ясного.

— Можешь меня слышать?

— Конечно.

— А ты помнишь, кто я такая?

— Ты - Май Сакурадзима. Третьегодка старшей школы Минагахара в Канагаве. Знаменитая детская актриса, которая получила кучу ролей.

— И что же это должно значить?

— Из-за того, что Май была очень популярна в детстве, она стала испорченной и неспособной делиться своими настоящими чувствами.

— Кто? Я?

— Ты боишься, но скрываешь это.

С этими словами Сакута взял ее за руку.

Май удивленно подняла брови. Ее взгляд упал на их руки.

— Я вроде не говорила тебе, что ты можешь держаться со мной за руки.

— Но я хочу.

— ...

— Думаю, я все же заслужил небольшую награду.

— ...Тогда вперед.

Май снова отвернулась к окну, а ее пальцы скользнули меж его пальцев.

Прямо как парочка.

Немного смущает. Немного будоражит.

— Не привыкай, — сказала девушка.

Он был уверен, что она сейчас очень смущена. Но она также получала удовольствие от выражения его лица.

Наконец диктор сообщил, что следующая остановка – Огаки. Конечная остановка.

Они держались за руки вплоть до остановки поезда.

Когда они вышли на платформу станции Огаки, было 00:40 утра – наступил новый день.

Он спросил сотрудника станции о Май, получил ответ: «Никогда о ней не слышал», и затем они вышли через турникеты.

Наугад выбрав южный выход, они дошли до автобусной остановки и остановились там. Сакута беспокоился, что вокруг этой станции не будет абсолютно ничего, но, похоже, она находилась прямо в центре города. Повсюду были здания и предприятия. Будет нетрудно найти место, где можно было бы остановиться.

Вопрос заключался только в том, где провести ночь. Если бы Сакута был один, он бы предпочел манга-кафе вместо гостиницы, но он не хотел приводить туда Май. Однако его мысли об этом пошли прахом, благодаря словам Май: «Мне нужно принять душ», когда они сошли с поезда.

Сакута чувствовал то же самое.

Они провели много времени в соленом бризе на Шичиригахаме, и ему определенно не помешало бы принять душ. Его одежда была липкой, и он был уверен, что от них обоих пахло солью.

Он рассмотрел несколько вариантов, но решил, что самым удобным будет бизнес-отель напротив станции.

Он спросил, были ли у них свободные комнаты, мужчина за стойкой одарил его подозрительным взглядом. Вполне нормальная реакция, когда посреди ночи старшеклассник без какого-либо багажа хочет арендовать комнату. Но он успешно прошел процедуру регистрации. Парень заплатил за ночь вперед, чтобы избежать дальнейших подозрений.

Поскольку ее никто не видел, то и регистрировать Май смысла не было. Сакута повернулся, чтобы убедиться, что она не против делить с ним комнату, но она уже направлялась к лифтам.

Лифт ожидал их, так что они быстро поднялись на шестой этаж.

Их комната с номером 601 была в конце коридора.

Когда Сакута в недоумении пытался понять, как пользоваться ключ-картой, Май протянула руку, выхватив у него карту, и открыла для него дверь.

— Ты проталкиваешь ее до самого конца, а потом вытаскиваешь.

Сакута попробовал самостоятельно открыть дверь. Просто это ощущалось как-то непривычно. У него не было ощущения, что он что-то открыл. Но, как и сказала Май, дверь бесспорно приоткрылась.

Это была одноместная комната с одной кроватью, маленьким уютным столиком с зеркалом и стулом. Там также был девятнадцатидюймовый телевизор, крошечный холодильник и чайник.

Достаточно тесная комната, кровать занимала около семидесяти процентов комнаты.

— Слишком тесно.

— Весьма ожидаемо, — усмехнулась Май.

Девушка села на кровать, воспользовавшись пультом, она включила телевизор, затем сняла свои сапоги. Качая своими ножками, она переключала каналы, прежде чем выключить телевизор.

Май рухнула на кровать. Должно быть она очень устала. Они провели весь день сидя, но этого было более чем достаточно, чтобы измотать Сакуту. Все его тело было измождено.

— Я собираюсь принять душ, — сказала Май, сидя на кровати.

— Ага, иди уже.

— Не подглядывай.

— Не беспокойся. Мне одних только звуков раза на три хватит.

— ...

Май указала на дверь, очевиднейший знак, что он должен уйти.

— А мне казалось, такое не смутит никакую взрослую девушку. Разве не приятно подразнить парня, ждущего снаружи?

— К-конечно. Еще бы, — фыркнула Май, будто планировала это с самого начала, — Только не делай ничего странного.

— Странного?

Он, конечно же, знал, что она имеет в виду.

— Под «странное» я подразумеваю странное! Не заставляй меня произносить это вслух!

Она развернулась и зашла в ванную. Дверь за ней захлопнулась. Он услышал громкий щелчок, когда она закрыла дверь на замок.

— Как-же это было милооооо.

В конце концов, он услышал, как включился душ.

Слушая эти звуки краем уха, Сакута обнаружил в комнате телефон. Кажется, с него можно было позвонить.

Взяв телефон в руки, он набрал номер своего друга – единственный номер, который он помнил наизусть.

На середине третьего гудка раздался знакомый голос.

— Ты знаешь, который час? — спросил Юма, голос которого казался весьма сонным.

— Шестнадцать минут второго.

Неподалеку от телефона были часы, встроенные в кровать.

— Знаю!

— Ты спал?

— Крепким сном! Работа и тренировка выжали из меня все соки.

— Тут чрезвычайная ситуация. Нужна твоя помощь.

— С чем же?

— Ну, во-первых - ты помнишь кто такая Май Сакурадзима?

Сакута особо не надеялся, он спросил десятки... может даже сотни... людей о Май, так и не получив желанного ответа.

— А? Конечно.

— Да, конечно же, ты не знаешь ее, — рефлекторно ответил Сакута.

— Что? Я же сказал, что помню, — настаивал Юма, все еще пребывая в сонливом состоянии.

Мысли в голове Сакуты перепутались. Что только что сказал Юма?

— Куними!

— Эй, чего это ты разорался?

— Ты помнишь Май Сакурадзиму? Нашу Май Сакурадзиму?

— А я не должен? — Азусагава не понимал причину. В этом не было никакого смысла. Но Сакута наконец-то нашел хотя бы одного человека, который все еще помнил Май, в момент, когда он меньше всего этого ожидал. Восторг и удивление заставили его сердце биться так быстро, что стало больно, — Ну что, это все? Я могу пойти спать?

— Стой, скажи номер Футабы.

— Эх, ладно...

Юма начал просыпаться. Ворча, он зачитал номер телефона Футабы. Сакута нашел неподалеку от телефона блокнот и записал его.

— Ты собираешься позвонить ей посреди ночи?

— Поэтому я и спросил ее номер.

— Знаешь, она явно не обрадуется.

— Не беспокойся, мне бы тоже не понравилось.

— Ну, ладно. С тебя обед, мне и Футабе.

— Понял, спокойной ночи.

— Да... спокойной...

Юма завершил звонок.

Сакута сразу же набрал номер Рио. Она ответила.

— Это я, Азусагава, — сказал парень.

— Ты вообще знаешь, который сейчас час? — ворчливо пожаловалась Футаба. Она говорила довольно четко — похоже, она еще не легла спать.

— Девятнадцать минут второго.

— Двадцать одна минута второго. Твои часы отстают.

— Ого, правда? Можно подумать, в бизнес-отеле за таким следят, — Есть минутка? Нужен твой совет насчет кое-чего.

— Опять насобирав себе проблем на одно место, да?

— Не уверен, можно ли это считать проблемой.

— Я слышу звуки душа. Это Сакурадзима?

— ...Что, как ты узнала?

Слишком точно сказано. И что-то в этом не давало ему покоя.

— Твоя очаровательная сестра не стала бы принимать душ так поздно. По номеру, с которого ты звонишь, я могу сказать, что тебя нет дома.

Слушая ее объяснения, он понял, в чем дело.

— Футбола, ты тоже помнишь Сакурадзиму? Ты ее знаешь?

Ему необходимо было знать наверняка.

— Как я могу не знать столь знаменитую личность? Ты что, совсем дурак?

— Происходит нечто абсурдное. Вот почему я звоню в такое дурацкое время.

Рио вздохнула.

— Хорошо. Я выслушаю твой глупый рассказ.

На протяжении следующих двадцати минут Сакута рассказывал обо всем, что происходило с Май. Он старался рассказывать только то, чему сам был свидетелем, оставляя догадки в стороне. Попутно Рио задавала несколько вопросов, но по большей части она просто слушала рассказ Сакуты.

— Что ты думаешь на этот счет? — спросил Сакута, закончив рассказ.

Наступило долгое молчание.

— Понятно, — сказала она, наконец. Прозвучал задумчивый вздох, — Ты с Сакурадзимой гораздо ближе, чем я предполагала.

— Из всей истории, что я тебе только что рассказал, ты только это поняла?

— У меня не было желания выслушивать твою любовную историю.

— А я и не просил помогать мне в этом вопросе.

— Ты только что потратил двадцать минут, хвастаясь этим. Посреди ночи.

— Я не хвастался!

— Значит бахвалился.

— Будь благоразумной.

— Все это суший бред, — проворчала Рио.

— Я понимаю, но... подумай об этом. То, что люди не видят ее и полностью забывают про ее существование, кажется вполне нормальным, если сравнивать с тем, что я и Май Сакурадзима сейчас вместе.

— Можно и так сказать.

— Уфф...

Он пошутил, но Рио охотно согласилась.

— Тем не менее, как я и говорила ранее, я не считаю, что «Подростковый синдром» существует.

— Знаю, все потому, что он до жути нелогичен?

— Верно.

Но Футаба не стала обвинять Сакуту во лжи, потому что он показал ей шрамы на своей груди, а также рассказал про случившееся с Каэдэ. Рио тогда сказала: «Хоть это и может показаться нелогичным, но если я поверю в твою историю, то некоторые вещи станут вполне объяснимыми».

Естественно, Сакута говорил правду. «Подростковый синдром» Каэдэ во многом объяснял, почему он переехал от родителей и перевелся в школу Минагахара. Иначе он бы просто пошел в свою местную школу, никогда бы не встретил Секо Макинохару, никогда бы не узнал, что школа Минагахара вообще существует.

— Так чего ты ждешь от меня?

— Нужно, чтобы ты помогла понять, почему это происходит и как от этого избавиться.

— Достаточно большая просьба, Азусагава.

— Все потому, что я в отчаянии.

— ...

— Ээм, Футаба? Ты еще здесь?

— Куними как-то сказал...

— А?

Почему она вдруг вспомнила про Куними?

— Твоя лучшая черта в том, что ты можешь сказать такие вещи, как «спасибо», «прости», и «помоги мне».

— Это не значит, что я говорю их кому-либо, кроме вас двоих.

Сакута смутился, а она только пренебрежительно фыркнула.

— Ладно, — сказала Рио, — Я подумаю над этим, но не возлагай на меня особых надежд.

— Уже возлагаю.

— Знаешь...

— Спасибо. Ты очень сильно меня выручила.

Честно говоря, Сакута был напуган, он не видел выхода из этой ситуации. Он не был так напуган с тех пор, как у его сестры появился «Подростковый синдром». Он и понятия не имел, что можно предпринять в такой ситуации. И это было ужасно.

Может быть, Сакута потерял бы способность видеть Май, слышать ее голос. Он может даже забыть о ее существовании. Это было бы хуже всего.

— Ты придешь завтра в школу?

— Мы сейчас в Огаки, так что... утром точно не выйдет. А что такое?

Рио бы не стала спрашивать о его планах без веской причины.

— По-моему, школа – единственное, что связывает тебя, Куними и меня.

— Понятно.

— Поэтому я подумала, что школа может быть причиной всего этого.

— ...Возможно, ты права.

Сакута только что вспомнил кое-что. Сегодня, формально вчера, вскоре после того, как он встретился с Май, они столкнулись с Томоэ Когой, девушкой, которую он встретил, помогая потерявшейся девочке.

Но там, на станции, Томоэ прекрасно видела Май. Как и ее подружки.

— Может быть, приезд сюда был пустой тратой времени... — сказал он.

Он рассказал Рио о Томоэ и ее друзьях.

— Я бы не сказала, что ты потратил время впустую, — сказала Футаба, — Информация, которую вы собрали, дает нам более точное представление о ее ситуации. И это помогло нам установить гипотезу о том, что первопричина лежит в школе.

— Ох... ну, это хорошо. Я, скорее всего, буду только к полудню, пораньше не думаю, что успею, но я точно буду там. Извини, что звоню тебе посреди ночи.

— Тебе определенно нужно прийти.

Рио зевнула и повесила трубку. Сакута положил телефон обратно.

Он понял, что все это время стоял без причины и сел на кровать.

Звук льющейся воды из ванной резко пропал. Он был так сосредоточен на звонке, что не заметил.

— Ааа! Я все пропустил! — пробормотал он.

Дверь в ванную открылась. Май высунула голову, обернутую в полотенце. Он мельком увидел ее плечо, покрасневшее от воды, от которого поднимался пар.

— Нижнее белье! — сказала она.

— А?

— Я могу носить ту же одежду, но нижнее белье и носки? Фу!

— Мне их постирать для тебя?

— Я лучше умру.

— Если это твое нижнее белье, то мне все равно, насколько оно грязное.

— Оно не грязное!

— Жаль. От этого оно могло бы стать только ценнее.

— Завязывай со своими извращенскими фантазиями!

Май сняла полотенце с головы и швырнула его в Сакуту. Оно прилетело ему прямо в лицо. Парень был слишком увлечен, разглядывая ее блестящие, мокрые волосы, чтобы увернуться.

Но не уклоняться было правильным выбором. Вместе с полотенцем в нос ударил сладкий аромат - шампунь, наверно.

— Могу я предположить, что ты сейчас совершенно голая?

— На мне банное полотенце!

— Оooo!

— Хватит воображать пошлости!

— Я волен воображать все, что мне нравится.

— Почему ты такой озабоченный?!

— Как я мог не возбудиться, когда я делю номер в отеле с такой красивой девушкой, как ты?

— Это что получается, я виновата?

— Здравο оценив ситуацию, можно прийти к выводу, что как минимум половина вины лежит на тебе.

С этими словами он поднялся, решив проверить свой кошелек.

— Я схожу в магазин и куплю нижнее белье нам обоим, мне бы тоже не помешало его сменить.

— Уверен?

— Денег у меня достаточно.

Сакута показал ей скудное содержимое своего бумажника. Перед тем как покинуть станцию Фудзисава, он снял все деньги, которые заработал. Всего пятьдесят тысяч иен или около того, но этого было более чем достаточно, чтобы купить нижнее белье за пятьсот иен, которое продавали в магазинах.

— Нет, я имею в виду... разве парни не стесняются таких вещей?

— Мм? А, думаю да. Я уже привык, так что все в порядке.

— Привык? — моргнула Май, не совсем понимая, что он под этим подразумевал.

— Ну, мне приходилось много чего покупать для сестры, особенно когда у нее были «эти» дни, поэтому я перестал беспокоиться о таких мелочах. Я даже начал получать удовольствие от реакции сотрудников.

Поскольку Каэдэ была домоседкой и никогда никуда не выходила, ему приходилось покупать ей одежду и нижнее белье.

— Хуже покупателя не найти.

— Скоро вернусь.

— Подожди, я пойду с тобой.

Вернувшись в ванную, Май закрыла дверь. Похоже, она не доверяла ему.

— Я сам все куплю.

— Боюсь, ты выберешь что-то не то.

— Не думаю, что там широкий ассортимент.

В круглосуточных магазинах продается только самое необходимое.

— Сама мысль о том, чтобы надеть нижнее белье, которое купил мне парень, отвратительна.

Видимо, она одевалась в той крошечной ванной. Он слышал, как она что-то бормочет между словами. Это тоже было довольно сексуально.

Через некоторое время он услышал, как включился фен.

Он прождал около десяти минут, прежде чем она вышла из ванной.

— Пошли, — сказала Сакурадзима.

— Ну наконец-то.

Сакута и Май вышли из отеля через черный ход – в основном, чтобы избежать регистрационную стойку. Старшеклассник, путешествующий в одиночку, выделялся, как белая ворона. Не было никакого смысла привлекать к себе еще больше внимания, Сакута и так вызвал много подозрений во время регистрации.

Тот факт, что никто не мог видеть Май, определенно был плюсом в данной ситуации. Если бы они зарегистрировались как пара, то вызвали бы еще больше опасений, что вполне могло привести к вмешательству полиции. Конечно, если бы люди могли видеть ее, они бы никогда не приехали сюда...

Сакута оглядел улицу. В метрах сорока пяти от станции виднелась ярко освещенная, зеленая вывеска – круглосуточный магазин.

Туда они и направились.

В этот поздний вечер на улице было мало народу. Поначалу они шли, не разговаривая друг с другом.

— Такое странное чувство, — сказала наконец Май. Она держала руки за спиной и, казалось, наслаждалась видом спящего города вокруг нее.

— Что такое?

— Находится в таком незнакомом городе, как этот.

Май намеренно стучала каблуками по тротуару, подобно марширующему солдату.

— Я думал, ты много путешествуешь, снимаешься?

— Я никуда не ездила. Меня возили.

— Понятно.

Однажды он путешествовал с семьей до Окинавы, намного дальше, чем Огаки. В средней школе у него была поездка в Киото – город, находящийся неподалеку. А в начальной школе они ездили в Никко. Он побывал во многих других местах в рамках школьных экскурсий, но ни в одном из этих случаев не чувствовал, что сам туда ездил.

Как сказала Май, его просто возили.

В каком-то смысле Сакута наслаждался этой поездкой, как и Май. Вероятно, он почувствовал кучу новых впечатлений, когда они прыгнули на линию Токайдо со станции Фудзисава.

Они выбрали поезд без пункта назначения, просто стараясь добраться как можно дальше. Пытаясь найти кого-то, кто мог бы увидеть Май, кого-то, кто мог бы помнить ее...

Они сами пришли сюда. Им также придется вернуться самим. Это было не только напряженно, но и весело.

Как будто они вместе в приключении. «Подростковый синдром» отошел в сторону, они полностью оставили свой ежедневный распорядок дня. И эти новые ощущения были приятными.

— Всякий раз, когда я не снималась, я сидела в отеле, будто в какой-то клетке. Даже если я никогда не была там раньше, все, кто там жил, знали меня, поэтому я не горела особым желанием прогуливаться по округе.

— Ты что, хвастаешься?

— Ты же знаешь, что это не так, но все равно спрашиваешь. Жаждешь внимания?

Ее глаза улыбались. Май видела его насквозь.

— Да, да, ты меня раскусила, — смущенно признался он.

— Ты как маленький ребенок, — фыркнула Май, — Но, наверное, самое странное, что я хожу по

этому незнакомому городу с парнем, который моложе меня.

— Никогда бы не подумал, что пойду куда-нибудь так далеко с Май Сакурадзимой.

— Для тебя это большая честь.

— Честь, которую я никогда не забуду.

Сакута тщательно подбирал слова, полностью осознавая их значение. Они не могли избежать этого. Май определенно исчезала из памяти людей.

— ...

Май не ответила.

Это заставило Сакуту еще раз подчеркнуть суть своих слов.

— Я никогда этого не забуду.

— ...А если забудешь?

— Съем соломку через нос.

— Не играй со своей едой.

— Это была твоя идея!

На губах Май появилась улыбка, но и только.

— Сакута.

— Что?

— Клянешься?

— ...

— Ты правда не забудешь меня?

Ее глаза дрогнули. Как будто она испытывала его.

— Образ твоего костюма девушки-кролика запечатлен в моей памяти на всю оставшуюся жизнь.

Май глубоко вздохнула, — Наряд все еще у тебя, верно? — спросила она. Похоже, она была абсолютно уверена в этом. Это было правдой, так что...

— Конечно.

— Значит, ты делал нечто странное с ним.

— Еще не успел.

— Выкинь его, когда придешь домой.

— Оууу.

— Никаких возражений.

— А я надеялся вновь увидеть тебя в нем.

— Не понимаю, как ты можешь говорить это с таким серьезным лицом.

Она выглядела полностью шокированной.

Сакута не собирался так просто сдаваться. Он продолжал смотреть на нее.

— Ну, может разок, — растерянно сказала девушка. В ее голосе слышалось легкое смущение,
— В качестве благодарности за все.

— Спасибо.

— Исполнение сексуальных фантазий парня помоложе для меня пустяк, — сказала она, хотя и не смотрела на него. Было достаточно темно, чтобы разглядеть что-либо, но ее лицо, казалось, покраснело.

— Для начала нужно купить тебе нижнее белье.

— Нетушки, я не позволю тебе выбирать.

Они дошли до магазина до того, как был исчерпан их спор.

Человек за стойкой поприветствовал Сакуту без особого энтузиазма. Других покупателей не было – магазин пустовал. Присутствовал еще один сотрудник, который воспользовался шансом и пополнял запасы сладостей, пока не было наплыва народу.

То, что было нужно Сакуте и Май, нашлось на стойке, возле двери. Парень схватил корзину и поспешил за Май.

Носки, футболки, полотенца, чулки, и, конечно же, нижнее белье и камисоли, за которыми они и пришли.

Раньше он никогда не уделял особого внимания, но выбор оказался куда более широким, чем он ожидал. Все было сложено в компактные, легко переносимые пластиковые футляры.

Секция женского нижнего белья состояла из трусиков и камисолей, продававшихся отдельно. Они поставлялись в черных и розовых цветах с размерами S и M.

Не задумываясь ни на секунду, Май схватила пару черных трусиков и соответствующую камисоль, бросив их в корзину. Затем она добавила пару носков.

— Розовый бы тоже хорошо смотрелся.

— В любом случае, я не собираюсь красоваться в этом перед тобой.

— Чееерт. А так хотелось.

— Продолжишь говорить глупости – сам станешь глупым.

Май подавила зевок и направилась к стенду с напитками.

Настаивать было бессмысленно, поэтому Сакута взял футболку, носки и пару боксеров для себя и последовал за ней.

— Черные тоже ничего.

— Что ты сказал?

— Ничего!

Вернувшись в отель, они переоделись и откушали рисовыми шариками и бутербродами. В дороге им довелось скушать что-то лишь разок, но это было больше четырех часов назад – с тех пор оба изрядно проголодались.

После быстрого ужина Сакута принял душ. Вернувшись, он сказал:

— Давай вернемся завтра утром.

Май удивилась, услышав это, — Беспокоишься о своей сестре? — спросила она.

— И это тоже. Но главная причина – я нашел людей, которые все еще помнят тебя.

— ...Правда?

— Мои друзья из школы Минагахара.

— Когда ты успел?..

— Я звонил им, пока ты принимала душ.

Он указал взглядом на телефон.

— Можно растерять всех друзей, если будешь звонить им в столь поздний час.

— Я извинился, все будет хорошо.

— Какая самоуверенность.

— Будь я на их месте, я бы простил.

— Будем надеяться, что ты прав. Но... все же, не только ты помнишь меня.

— Вероятно, что все дело в школе.

Он не мог стопроцентно утверждать это. Но это была его единственная зацепка. Им оставалось возлагать на нее надежды и действовать соответственно.

— Ладно, пошли спать.

— Мм... так где же я должен лечь?

Май уже заняла свое место на кровати. Вместо пижамы на ней был халат. Она посмотрела на него, не отвечая.

— На полу? В ванне? Я не думаю, что работники отеля одобряют то, что я буду спать в холле.

Пролетела еще одна долгая минута, пока Май смотрела на него, затем она перевела взгляд на односпальную кровать.

Надолго задумавшись, она спросила:

— Обещаешь ничего не делать?

— Клянусь, — тут же ответил он.

— Лжец, — ни грамма доверия, — Но, мне кажется, я сама позволила тебе заманить меня в отель.

— Не говори так, будто я тебя обманул!

— Я позволю тебе лечь рядом со мной. Помни, только чтобы поспать.

— Неужели?

— Предпочитаешь холл?

— Я бы предпочел спать с тобой.

Учитывая обстоятельства, это звучало совсем по-другому.

— ...

Это определенно вызвало у нее подозрение. Он поспешно перефразировал.

— Я бы с удовольствием поспал рядом с тобой.

— ...Хорошо.

Май подвинулась и Сакута лег на освободившееся место, несколько мгновений назад она сидела тут, поэтому оно было нагретым.

— ...

— ...

Он попытался уснуть. Но...

— Сакута... — сказала Май.

— Да?

— Очень тесно.

Односпальная кровать определенно не была рассчитана на двоих. Не похоже, чтобы они могли двигаться во сне.

— Мне уйти? — спросил он, поворачиваясь к ней.

Она сделала то же самое, и их глаза встретились. Их лица находились в нескольких сантиметрах друг от друга. Даже в тусклом свете он почти мог сосчитать ее ресницы.

— Расскажи что-нибудь.

— Например?

— Что-нибудь веселое.

— Это тяжелая задачка. Тебе нравится дразнить меня?

Сарказм был его спасительным механизмом.

— Может быть, — сказала она, не меняя выражения лица.

— Если тебе не нравится, то почему продолжаешь?

— Потому что тебе нравится, как я дразню тебя.

— Играешься со мной, прекрасно зная об этом! Ты прирожденная королева.

— Ты же мазохист, для тебя это сродни награде.

— Ни один парень не останется равнодушным, если их будет дразнить такая красавица-сэмпай.

— Это такой комплимент?

— Еще какой.

— Пфффф.

Разговор закончился.

В этой тихой атмосфере единственными звуками были шум кондиционера и вытяжки в ванной комнате. Ни единой машины на улице. Из соседних комнат ничего не доносилось.

Только они вдвоем.

Сакута был наедине с Май в крошечной одноместной комнате.

Он не отводил взгляда от нее.

Май не отводила взгляда от него.

— ...

— ...

Так они пролежали какое-то время.

Время от времени они моргали. Звук ее дыхания.

Без всякого предупреждения ее губы приоткрылись.

— Давай поцелуемся, — сказала она.

Он был удивлен. Но не испугался.

— Да ты на взводе, Май?

— Дурак.

Она не разозлилась на его шутку. Она также не была взволнованна и не выглядела смущенной. Ее единственной реакцией была улыбка, как будто шутка была смешной.

— Нам нужно поспать. Спокойной ночи.

Она отвернулась от него.

Ее волосы сползали на кровать. Он видел ее затылок. Продолжая пялиться, ему все сильнее хотелось ее обнять, поэтому он тоже отвернулся, теперь они лежали спина к спине.

— Сакута.

— Я думал мы спим.

— Если бы я начала дрожать как осиновый лист и сквозь слезы говорить: «Я не хочу исчезать!», чтобы ты сделал?

— Я бы обнял тебя сзади и прошептал: «Все будет хорошо».

— Тогда точно не скажу.

— Ты не довольна?

— Я думаю, что ты попытаешься «случайно» облапать мою грудь.

— А что насчет попки?

— Очевидно, что это запрещено, — сказала Май, словно отряхивалась от паразита, — ...Я решила вернуться к работе. Мне нельзя исчезать.

Ее голос был едва громче шепота.

— И то верно.

— Я так хочу сниматься в телевизионных шоу и в кино. Еще, я бы хотела попробовать сыграть в театре. Хочу работать с потрясающими режиссерами, костюмерами, персоналом. Выложиться по максимуму. Почувствовать, что я снова по-настоящему жива.

— А потом отправиться в Голливуд!

— Ха-ха, это было бы прекрасно.

— Мне бы стоило взять у тебя автограф прямо сейчас.

— Знаешь ли, они и так стоят не мало. Ну это так, к сведению.

— Я так и думал.

— Я правда... не могу исчезнуть сейчас.

— ...

— Только не сейчас, когда я уже познакомилась с нахальным мальчишкой, из-за которого я с нетерпением жду школу.

— Я не забуду тебя.

Они все еще лежали спина к спине.

— ...

Май ничего не отвечала.

— Я обещаю, что не забуду тебя, Май.

— Как ты можешь быть так уверен?

Сакута проигнорировал вопрос.

— Мы можем поцеловаться в любое время, не обязательно сейчас. Не нужно торопить события. Да и на моем месте может быть кто-то другой. Я знаю, что ты сможешь попасть в Голливуд. Ты можешь сделать все, что только захочешь, я уверен в этом.

Май притихла на несколько мгновений.

— Ты прав, — сказала девушка, — Жаль, ты упустил свой единственный шанс украсть мой первый поцелуй.

— Тебе бы стоило предупредить меня об этом заранее.

— Уже все.

Он слышал, как она смеется.

Но вскоре все стихло.

— Спасибо, — сказала она, — За то, что не бросил меня. Спасибо.

— ...

Сакута не ответил. Он притворялся, что спит. Если бы они поговорили еще чуть-чуть, он бы точно обнял ее.

Через некоторое время ее дыхание замедлилось. Май заснула.

Сакута и сам попытался заснуть. Но от осознания того, что она лежит рядом с ним, заснуть было крайне тяжело.

Часть 3

Сакута так и не заснул. Все время, вплоть до рассвета, он прислушивался к дыханию Май, лежащей рядом с ним.

Он даже успел пару раз возбудиться, но сколько бы он не смотрел на лицо Май, она не просыпалась. От того, что он чувствовал себя взволнованно и от того, что ему было одиноко, он ощущал себя маленьким, глупым ребенком. В других же случаях мысль о том, что он был единственным, кто переживал насчет этого, была бы просто удручающей.

Конечно, было бы лучше заснуть, но из-за того, что она лежала рядом с ним, и от усталости из-за долгого путешествия, его тело было напряжено, и поэтому он и глаз не сомкнул. Где-то глубоко внутри него теплилось странное, теплое чувство, которое всю ночь не давало ему покоя.

И после нескольких часов, потраченных впустую, мир за занавесками стал светлее.

Май проснулась в половине седьмого, и они пожелали друг другу доброго утра. Затем началась подготовка к отъезду. Но, поскольку они почти ничего с собой не взяли, Сакута уже был готов.

Май не могла собраться так быстро. Она настояла на том, чтобы сначала принять ванну.

Это заняло целых тридцать минут.

Когда она наконец вышла, то сказала, что ей еще нужно собраться, и он был вынужден выйти в холл. Очень несправедливо.

Чтобы убить время, он пошел в магазин, чтобы купить что-нибудь на завтрак. Сакута совсем не торопился...

Когда он вернулся, они съели по булочке с кремом и наконец смогли выселиться. Было уже далеко за восемь.

Вернувшись на станцию Огаки, они сели в поезд. Теперь им оставалось проехать всего несколько сотен километров. Но в отличие от вчерашнего дня, они сели на синкансэн* из Нагои, чтобы быстрее добраться до станции Фудзисава.

[П/П: «Синкансэн» (新幹線) в буквальном переводе с японского – «новая магистральная линия» – общее название высокоскоростных железных дорог, соединяющих важнейшие города Японии.]

Сакута вернулся домой еще до полудня. Ура скоростным поездам. Они были невероятно быстры.

Оба разошлись по домам и встретились на улице через полчаса.

Выходя на улицу, Сакута увидел Май, уже ждущую его на протяжении какого-то времени, в своей школьной форме.

— У тебя такой нездоровый вид, — сказала она.

— Ты как всегда великолепна!

— Твой галстук криво завязан. Подержи немного.

Она передала ему свою школьную сумку, а затем потянулась к его воротнику, поправляя одежду.

— Никогда бы не подумал, что мы так скоро будем вести себя как молодожены. Спасибо.

— У тебя такое глупое выражение лица. Даже притворяться не нужно.

Она схватила свою сумку и зашагала прочь.

— Эй! Подожди!

Он побежал за ней, и они пошли рядом.

Улицы, по которым он ходил каждый день, были ему как родные. Если бы он не знал их так хорошо, то мог бы поклясться, что отсутствовал целую неделю.

Хотя они уехали только вчера и отсутствовали всего день.

Даже меньше, потому что он сильно опоздал на свидание. Теперь и это казалось старым воспоминанием.

Думая об этом, он поймал себя на том, что зевает. Пребывание на ногах всю ночь давало о себе знать. Он чувствовал, что в любой момент может задремать.

— А? Ты что, не спал? — спросила Май, заглядывая ему в глаза. Должно быть, они сильно покраснели.

— И кто же в этом виноват, как ты думаешь?

— Я что ли?

— Ты не давала мне заснуть.

— Был слишком взволнован?

— Еще как, никогда в жизни не был так взволнован, — признался он, вновь зевая.

— Даже ты иногда можешь быть милым, — сказала Май.

— Зато тебя, кажется, ничем не пробьешь! Ты мгновенно заснула.

— Всю свою жизнь я только и делала, что снималась. К тому же, раньше я всегда спала в комнате отдыха между съемками. И...

Она замолчала, выглядя как шаловливый ребенок, который только что придумал отличную шутку.

— Спать рядом с тобой – совсем не страшно.

— Отлично! В следующий раз я как-нибудь подшучу над тобой.

— У тебя смелости не хватит, чтобы что-то предпринять.

Когда они добрались до школы, был уже обед.

Большинство учеников уже покушали и теперь отдыхали. Несколько ребят играли на баскетбольной площадке, и их крики разносились по школьному двору.

Школа всегда была такой, но, казалось, прошла целая вечность с тех пор, как они были здесь в последний раз – напоминало их первый день в школе после весенних или зимних каникул.

Когда они переобулись в сменную обувь у входа, Май сказала:

— Я собираюсь прогуляться по школе

— Я зайду к Футабе. Ах да, Футаб – одна из тех друзей, кто помнит тебя...

— Это что, женское имя? Я поражена, — сказала Май, остановившись.

— Вообще-то ее фамилия.

Но все-таки девушка...

— Ладно. Увидимся позже.

Май вышла в коридор. Сакута проводил ее взглядом. Она прошла мимо нескольких девушек, которые несли тетрадки, учительницы геометрии средних лет с прожектором в руке, а также группы девушек, увлеченно сплетничающих о каком-то сексуальном парне из баскетбольной команды.

Никто из них не обратил своего внимания на Май, они даже не взглянули на нее.

Это не показалось Сакуте странным.

Так было всегда.

Для Май все было как обычно, так она и проводила свои школьные деньки.

Естественная реакция на проблему, в которую никто не хотел быть вовлеченным. Все делали вид, что не замечают ее. Она вела себя так, словно была частью атмосферы.

В результате такого игнорирования все походило на то, что люди вообще не видят ее. Ученики школы Минагахара обращались с ней подобным образом задолго до того, как это стало происходить повсюду. Задолго до того, как Сакута начал посещать эту школу.

Май прошла сквозь толпу.

Точно так же, как она проходила сквозь толпы людей, страдая «Подростковым синдромом».

— ...

Кажется, кусочки пазла стали собираться воедино.

Как будто Сакута начал видеть первопричину.

Видимо, теория Рио, состоящая в том, что суть проблемы лежит в школе, была верна.

— Азусагава.

Сакута повернулся на голос и увидел, что Футаба стоит позади него, засунув руки в карманы белого халата.

Увидев его, она зевнула. Из-за этого Сакуте тоже захотелось зевнуть.

— Плохие новости, — сказала она.

Взяв себя в руки, он приготовился выслушать ее.

— Похоже, что все кроме меня забыли Сакурадзиму.

— ?!.

Сакута нахмурился, новость была явно не из приятных.

— Ну, как минимум Куними уже забыл ее.

— Серьезно?

Футаба не стала бы выдумывать нечто подобное. Это не было поводом для смеха и Азусагава знал, что она не из тех, кто шутит о таких вещах.

Но он не мог не спросить. Сакута не хотел принимать такую правду.

— Когда я упомянула ее имя, Куними, сбитый с толку, спросил: «Еще разок, о ком ты говоришь?». Правда, я еще не спрашивала остальных, но...

Парень осмотрелся вокруг в поисках кого-нибудь, кого бы он мог расспросить насчет Сакурадзимы, но вскоре в этом отпала необходимость.

Май бежала обратно в их сторону. Запыхавшаяся, взволнованная и бледная от страха.

Переведя дыхание, она посмотрела ему в глаза.

— Ты все еще можешь видеть меня? — спросила Май.

— Да, ясно как божий день, — ответил парень, кивая.

С ее лица пропало напряжение.

— Слава богу...

Она вздохнула с облегчением.

Но почему?

Почему только Сакута и Рио могли видеть ее, а остальные нет? Почему все забывали Май?

Как минимум вчера ее помнили не только они вдвоем. Юма, Томоз Кога и ее подружки могли видеть Сакурадзиму.

— Точно, Томоз Кога!

Сакута побежал в одиночку, направляясь к классам первогодок.

Он заглядывал в каждый кабинет на первом этаже и, наконец, нашел ее в четвертом. Класс 1-4. Она была с теми же подружками, что и вчера, обедая у окна, их столы были соединены.

Азусагава подошел прямо к ней.

Одна из ее подруг заметила его первой и испуганно вскрикнула. Все повернулись и уставились на него.

— Черт, тот парень из... — начала было Томоэ, но тут же замолчала.

Сакута сел рядом с ними и спросил:

— Вы знаете Май Сакурадзиму?

Томоэ с подружками переглянулись между собой и начали шептаться.

— Ты ее знаешь, Томоэ?

— Я-я не знаю!

— Сакура... кто?

— Кто это?..

— Вы виделись с ней вчера на станции Фудзисава, — сказал Сакута.

Они вновь переглянулись между собой, а после покачали головой.

— Как вы можете ее не знать? Она - знаменитая актриса! — Сакута шагнул вперед, — Подумай еще! С третьего года, такая милашка... Ты встречалась с ней!

Когда он сделал еще шаг вперед, лицо Томоэ сменилось испугом.

— Ты должна помнить ее! — требовательным тоном сказал парень, положив руки на ее плечи.

— Я-я не знаю ее! — крикнула Томоэ, слезы начали наворачиваться на ее глазах.

— Пожалуйста!

— Ай!

Сакута осознал, что сейчас сжимает ее плечи.

— Остановись, Сакута, — прозвучал голос в его ухе. Май схватила его за запястье.

Он медленно отпустил Томоэ.

— Прости, — сказал он, — Не знаю, что на меня нашло.

— Х-хорошо...

— Мне очень жаль, правда. Извини.

Извинившись еще раз, он направился к двери, ощущая тяжесть в ногах.

— Азусагава, — сказала Рио. Она шла позади и манила их из коридора.

— Что?

Когда Рио остановилась, Сакута отошел от Май и направился к ней.

— Возможно, я поняла в чем дело, — тихо произнесла Футаба так, чтобы только он мог услышать ее.

Похоже, она не решалась сказать остальное.

— Расскажи мне.

— Азусагава... ты спал прошлой ночью?

Этот вопрос положил начало ее объяснениям.

В тот день, после школы, Сакута и Май вместе вернулись на станцию Фудзисава и разошлись там.

Даже в такое время у Сакуты была смена в ресторане. Он не мог просто взять и сказать, что заболел. Май сказала ему тогда: «Ты должен пойти».

Он работал до девяти, потирая свои уставшие глаза. По дороге домой он зашел в круглосуточный магазин.

Сакута прошелся по магазину, рассматривая полки.

Он нашел отдел с энергетиками возле кассы, прямо под желатиновыми напитками.

Их цена варьировалась от двухсот иен до стоимости целой тарелки говяжьего мяса. Он даже умудрился найти напиток с ценою более тысячи иен, не было до конца понятно, в чем их различие, и какое содержимое его ждет внутри.

Сакута схватил три случайных энергетика, мятную жвачку с кофеином и таблетки и пошел напрямиком на кассу.

Вышло чуть менее двух тысяч иен. Из-за поездки в Огаки, а также после проведенной ночи в бизнес-отеле его кошелек знатно опустел, денег практически не осталось.

Но сейчас нельзя было экономить.

Он вспомнил слова Футабы:

— Азусагава... ты спал прошлой ночью?

— И глаза не сомкнул, — ответил парень.

Именно то, что и ожидала Рио.

— Я тоже, — ответила девушка.

— ...

Не понимая, что она имеет в виду, он начал ждать дальнейших объяснений.

— Я всего лишь отталкиваюсь от выводов, но думаю, что причина именно в этом. Я не была с Сакурадзимой или что-то в этом роде.

— ...Нет.

— Помнишь, как я рассказывала тебе про «Эффект наблюдателя»?

— Что-то про кота Шредингера?

— Тогда я думала, что это просто нелепо, — сказала Рио. Она посмотрела на Май, стоящую в коридоре. Кажется, она не совсем понимала, как вести себя рядом с ней, и стоит ли ее вообще втягивать в это. Май была сильно потрясена всем происходящим. — Почувствовать все это на себе... это пугает.

— «Подростковый синдром»?

— Нет, еще до того, как он появился... то, как к ней относилась вся школа, считая ее частью атмосферы.

— Да уж.

— И то, как я согласилась с этой атмосферой, принимая ее такой, какой она и должна быть. Я ни разу не усомнилась в этом.

— Так и происходит, но только потому, что никто не задается вопросами. Если бы люди задумывались над своим поведением, то, я надеюсь, таких ужасов бы не происходило.

Зная, что это неправильно, понимая, насколько это было ужасно, осознавая, как жалко они себя ведут, осмысляя свое паршивое поведение... не так уж много людей смогли бы с гордостью сказать: «Мы игнорируем нашего одноклассника!». Так могли поступить только испорченные дети.

Как и зачинщица, которая издевалась над Каэдэ. Она просто сказала: «А что в этом плохого?»

Если же говорить про Май, то первопричина была в ней. Был момент, когда она решила стать частью атмосферы, и те, кто окружал ее, положительно отреагировали на это.

Ее желание стать частью атмосферы

Желание исчезнуть превратило ее в часть атмосферы, но только после того, как она стала вести себя подобающе.

— Но именно поэтому школа – наш приоритетный ключ к разгадке, — сказала Футаба, словно прочитав его мысли, — Для Сакурадзимы эта школа – коробка, а она в ней – кот.

— ...

Никто не смотрел на Май. Никто не пытался посмотреть на нее. Никто не наблюдал за ней,

поэтому ее существование было неопределенным... и, таким образом, она исчезала. Хотя она и не пропала по-настоящему, но все выглядело как раз-таки наоборот. Раз ее никто не мог увидеть, то это было все равно, если бы она не существовала.

Холодок пробежал по его спине.

Он прекрасно понимал, что этим хотела сказать Рио.

Причина была здесь, в школе, в коллективном сознании учеников. Сами того не замечая, они стали вести себя безразлично по отношению к ней. Она даже не отпечатывалась в их сознании. Рио сказала, что эти чувства, если их вообще можно назвать чувствами, были спусковым крючком, который стал причиной «Подросткового синдрома» Май.

Как можно изменить подсознательные чувства людей? Они даже не подозревали о существовании проблемы, хотя и не считали эту проблему проблемой. И в школе Минагахара было около тысячи учеников, думающих именно так.

Как он мог обратить их равнодушие в интерес?

— ...

Казалось, он смотрит в темноту, и она вот-вот поглотит его целиком.

Такова была истинная природа его страха. Настоящий враг, которого Сакута должен был одолеть. Атмосфера, которую он не видел, но знал, что она существует. Та самая атмосфера, против которой, как недавно сказал Сакута, бессмысленно даже пытаться бороться.

— Но если все началось из-за школы, то почему люди, непричастные к ней, тоже не видят ее?

— Возможно, сама Сакурадзима перенесла эту атмосферу из школы в мир за ее пределами.

Он вынужден был согласиться, что такое очень даже возможно, например, когда он впервые встретил ее в библиотеке, находящейся около станции Сенандай, или когда она пошла одна в океанариум Эносимы. Май вела себя подобно атмосфере, и он чувствовал, что она сама виновата в этом.

Но сейчас все было иначе.

Май больше не хотела исчезать. В этом уж он точно мог быть уверен. Она решила вернуться на работу и несмотря на то, что это прозвучало как шутка... она спросила:

— Если бы я начала дрожать как осиновый лист, и сквозь слезы говорить: «Я не хочу исчезать!», что бы ты сделал?

Она еще тогда сказала:

— Только не сейчас, когда я познакомилась с нахальным мальчишкой, из-за которого я с нетерпением жду школу.

Таковы были настоящие желания Май.

— Даже если не она навлекла на себя это, такое поведение заразно, — сказала Рио, — От каждого ожидают подчинения неписанным правилам, информация может достигнуть другого конца земли за считанные секунды. Мир, в котором мы живем, воплощает все это в реальность.

Если бы он попытался оспорить это, то, возможно, ему бы удалось что-то выяснить. Рио и сама понимала, что в ее объяснениях есть множество пробелов. Но часть его понимала, что такова природа времени, в котором они живут. Вместе с преимуществами... пришли и недостатки.

— ...

Поэтому Сакута не мог найти в себе силы спорить с этим. Честно говоря, в этот момент Сакута не видел смысла обсуждать, как именно распространилось это явление. Только реальность перед ними имела значение.

Когда он замолчал...

— Возвращаясь к теме... — продолжила Футаба последнюю часть своего объяснения, — Если все дело в восприятии и наблюдении, тогда я думаю, что сон, в момент, когда сознание неактивно - триггер для потери воспоминаний.

Пока он не спал, он все еще мог думать о ней, видеть ее. Но в тот момент, когда он засыпал, он никак не мог воспринимать ее. Эта способность была естественным образом ослаблена. И пока его сознание будет в отключке, Азусагава заразится этой аномалией.

— ...

Сакута вздрогнул, вспомнив вчерашнюю ночь. Уснув, он, скорее всего, уже забыл бы Май...

Он вернулся домой, жуя кофеиновую жвачку. Парень также выпил свой первый в жизни энергетик. Странная сладость, явно отличающаяся от других сладких напитков. Немного лекарственного послевкуся.

На самом деле Сакута не питал больших надежд по поводу таких средств, но эффект ощутил сразу. Он снова проснулся, его разум был ясен.

— Братик, ты чего такое пьешь? — спросила Каэдэ, наблюдая за тем, как тот выбросил банку в мусорное ведро. Уже было одиннадцать часов. Обычно, в такое время, Каэдэ уже лежала в постели, сейчас она выглядела очень сонной. Ее глаза были полужакрыты. Он был почти уверен, что единственная причина, по которой она все еще не спала, заключалась в том, что он не пришел домой прошлой ночью.

— Я не усну, пока не наверстаю упущенное за вчерашний день! — сказала она.

Поэтому он провел некоторое время, разговаривая с ней. В основном о книгах, которые она читала.

Каэдэ начала было настаивать на том, что собирается не спать всю ночь, но в конце концов они с Насуно уснули на диване еще до полуночи.

Сакута взял ее на руки и понес в комнату. Внутри все было завалено книгами. Полки были забиты, их содержимое вываливалось на пол, превращаясь в кучи. Ему пришлось пробираться сквозь них к кровати.

Он уложил ее, сказал: «Спи крепко», накрыл одеялом и выключил свет, затем тихо прикрыл за собой дверь.

Сакута зашел в свою комнату, положив в рот горстку мятных таблеток. Во рту и носу чувствовалась прохлада.

У него было что-то, о чем он должен был позаботиться, пока его разум мог ясно мыслить.

Он сел за стол и открыл тетрадь. Это не было обусловлено желанием позаниматься. Завтра начинались промежуточные экзамены, так что ему, наверное, стоило бы немного, но его оценки сейчас не играли главную роль.

Прямо сейчас он должен был подготовиться к худшему.

Он дважды щелкнул кончиком механического карандаша и начал писать.

Все, что происходило за последние три недели. Все, с момента его первой встречи с Май.

Он писал на протяжении всей ночи.

6 Мая.

Я встретил дикую девушку-кролика.

Она – мой сэмпай из старшей школы Минагахара. Знаменитая Май Сакурадзима.

Это только начало. Начало нашего знакомства. Я никогда не забуду этого.

Даже если забудешь – вспомни. Ты обязан вспомнить, будущий я.

Часть 4

Промежуточные экзамены длились три дня, а первый уже был катастрофой.

Мало того, что Сакута не занимался прошлой ночью, из-за того, что это была вторая бессонная ночь подряд, он был не в состоянии сосредоточиться хоть на чем-либо. Чем сильнее он пытался думать, тем сильнее его мозг этому сопротивлялся. Разум помутнел. Он просто сидел, уставившись на листок с ответами. Его глаза были в состоянии видеть, но не более того.

Когда тест закончился, Сакута заглянул в соседний класс в поисках Рио Футабы. Даже на занятия она ходила в белом лабораторном халате, так что ее было легко найти.

Рио увидела Сакуту в дверях, собрала свои вещи и присоединилась к нему в коридоре.

— Ты помнишь? — спросил он, нервничая.

— А? Помню что? — озадаченно переспросила Рио.

— Неважно.

— Ладно, я буду в лаборатории.

— Хорошо.

Он помахал рукой, и Рио, лабораторный халат которой развивался по воздуху, зашагала прочь. Он надеялся, что она обернется и скажет, что пошутила, но этого не случилось. Она исчезла из поле зрения на лестнице.

— Все же твоя гипотеза оказалась верной, — произнес он вслух.

Забыв о Май, Рио доказала это.

Теперь остался только Сакута.

Лишь он один помнил Май. Только он мог слышать ее голос или видеть ее.

— Какое захватывающее развитие событий! — сказал он, отчаянно пытаясь превратить свои страхи в мотивацию.

Следующий день, 28 мая. Второй день промежуточных экзаменов, и снова его результаты не впечатляли. Но Сакуту это уже давно не волновало.

Ему хотелось спать. Просто спать.

Каждый раз, когда он моргал, у него возникало искушение просто оставить глаза закрытыми.

Он не спал с их свидания в воскресенье. А была уже среда. Четвертый день без сна.

Сакута уже давно преодолел свои пределы.

Его постоянно мутило. Даже дважды стошнило. С тех пор ему казалось, что у него что-то застряло в горле.

Он разваливался на части. Пульс был неровным и слишком быстрым. Цвет лица стал просто ужасен. В то утро, в поезде, Юма сильно волновался и сказал ему: «Ты прямо как мертвец».

Единственным спасением было то, что он уже расчистил свой рабочий график для промежуточных экзаменов. В таком состоянии он никак не смог бы нормально работать.

Веки отяжелели. Они отказывались оставаться открытыми. Свет солнца был жесток. Сакута никак не мог открыть глаза, как бы сильно он ни щипал себя за бедра. Ничто, кроме покалывания самого себя карандашом, не взбадривало его.

— Ты выглядишь усталым, — сказала Май по дороге домой.

Она все еще ходила в школу, хотя только Сакута мог видеть ее. «Мне больше нечем заняться», — сказала она. Но он знал, что она, скорее всего, напугана. Слишком страшно сидеть дома одной весь день. Часть ее, должно быть, надеялась, что если она продолжит ходить в школу, то все вернется на круги своя.

— Я всегда такой во время тестов. Занимаюсь всю ночь напролет.

— Сам виноват, нужно было заниматься регулярно.

— Говоришь, как учительница.

— Ну, если ты настаиваешь...

— Мм?

— Я могла бы помочь тебе с учебой.

— Если бы мы оказались в одной комнате, то я думал бы только о сексе, так что не стоит.

— ...

Май бросила на него потрясенный взгляд. Она явно не ожидала, что он откажется.

— В-вот как. Тогда это даже к лучшему, — сказала она.

— Увидимся завтра.

Они расстались у дверей своих апартаментов.

Сакута вошел в лифт и вздохнул с облегчением. Он не рассказал Май, что не спит, так как знал, что если сделает это, то она будет настаивать, чтобы он, наконец, поспал.

Он не хотел беспокоить Май, и желал разобраться со всем сам – Сакута не смел и помыслить о том, чтобы она чувствовала себя виноватой за эту ситуацию.

Дома Сакута сидел в гостиной, держа перед собой раскрытую книгу по физике. Ее он позаимствовал у Рио в тот день, когда они вернулись из Огаки. Он надеялся, что найдет в ней ключ к разгадке.

Это была книга по квантовой физике начального уровня. Но, даже учитывая это, уровень сложности был настолько высок, что он просто не мог ничего понять. Сакута читал ее весь день, вместо того чтобы готовиться к экзаменам, но едва ли мог заставить себя перевернуть страницу.

Сочетание усталых век и книжки по физике было смертельно опасным. Как сильное успокоительное. Он поддерживал свое мерцающее сознание только усилием воли, заставляя свои глаза следить за словами на странице.

Сакута хотел помочь Май. Вот и все, что двигало им.

Он провел так целый час. Каэдэ читала неподалеку, и в животе у нее заурчало. Не говоря ни слова, он встал и начал готовить ужин. Они вместе покушали.

Сакута посмотрел через стол и понял, что Каэдэ что-то говорила. Он видел, но не смог ей ответить.

— ...

— Алло?

— А, что?

Он был слишком сонным, чтобы ясно мыслить.

— Ты в порядке?

— Промежуточные экзамены, — ответил Сакута, неуверенный, что это оправдывает его.

— Не переусердствуй.

— Знаю.

Но, как бы тяжело это ни было, Сакута не мог спать.

Поступив так, он бы забыл Май.

Возможно, был шанс, что этого не случится, но все факты говорили об обратном.

Сакута не мог позволить себе уснуть.

Они с Каэдэ закончили обедать, и он отправился на прогулку. Снова заскочив в магазин.

Сидеть неподвижно после еды было слишком опасно. Даже стоя, он клевал носом. Он чуть не заснул, стоя в поезде, вцепившись в одну из болтающихся ручек. Ноги у него подкосились, и он, было, заснул, но пришел в сознание только потому, что колени коснулись бизнесмена, сидевшего перед ним. Это было на грани.

В круглосуточном магазине он набрал еще энергетиков. Покупая их из большого ценового диапазона, столько, сколько бы хватило взрослому быку. Он выпил слишком много, и эффект постепенно уменьшался. Хуже того, ответная реакция была огромной. Спустя два-три часа он хотел спать еще сильнее. Но все же это было лучше, чем упасть без сил.

Он вышел из магазина, сунув бумажник в задний карман.

Ветер обдувал его щеки. Сакута остановился как вкопанный.

Кто-то ждал его.

Волна паники пронзила его, как будто он был пойман во время розыгрыша.

Противный, липкий пот выступил на лбу.

— Чего ты там накупил? — спросила Май. Она была в уличной одежде, ноги расставлены, руки сложены на груди.

Он попытался найти оправдание в своем затуманенном сознании, но ничего не вышло. Недостаток сна сильно сказывался, а сам Сакута выглядел он просто нелепо.

— А... ну...

Май подошла ближе и выхватила у него сумку. Она заглянула внутрь, — Так и думала, что ты не спишь, — упрекнула она.

— ...

Он думал, что это сойдет ему с рук, но, видимо, нет. Он знал, что выглядит явно нездоровым. Юма и Каэдэ указывали на это. Было бы странно, если бы Май этого не заметила.

— Ты думал, что способен это скрыть?

— Хотел.

— Ты просто идиот! Ты не сможешь продолжать это вечно.

— Я не могу думать ни о чем другом.

Он говорил, как капризный ребенок.

Сакута знал, что так продолжаться не может. Людям нужен сон, чтобы жить. И это не решит проблему. Однако даже зная, что это может являться пустой тратой времени... эта пустая трата времени была его единственным вариантом.

Сия безумная ситуация заставляла Май страдать. Они все еще не нашли способа остановить это. Они даже не знали, есть ли способ.

Но они должны были продолжать поиски. Сакута не мог заснуть, пока не найдет решение проблемы.

Даже если он не найдет, он не собирался просто сдаваться и засыпать.

Он хотел помнить Май как можно дольше. Каждая минута имела значение. Каждая секунда его бодрствования, уменьшала ее время препровождения в одиночестве. После всех этих бессонных ночей его вялый мозг не мог думать ни о чем другом.

— Посмотри, какой ты бледный! Ты просто идиот.

— Полностью согласен.

— Идем, я отведу тебя домой.

Она вернула ему сумку, и они направились к дому Сакуты. Не в силах рассуждать здраво, Сакута послушно последовал за ней.

Было уже за восемь часов, когда он вернулся домой.

Каэдэ, должно быть, была в ванне. Он слышал, как она радостно поет за дверью. Это была мелодия из рекламы магазина электроники. Песенка была короткая, поэтому она повторяла ее снова и снова.

Сакута направился в свою спальню, но замер в дверях.

Май сидела на подушке в центре комнаты, рядом с низким складным столиком, который она явно поставила сама.

— Я думал, что если ты придешь домой к парню помоложе в такое время суток, то это будет все равно, что дать ему разрешение делать все, что он захочет.

— Восемь часов, не так уж и поздно.

— Ладно. Но почему ты здесь?

— Я решила составить тебе компанию.

— Речь о романтике?

— Нет. И ты это знаешь! Я просто не дам тебе сегодня уснуть.

— Звучит заманчиво.

— Если ты начнешь засыпать, я дам тебе пощечину и разбужу.

— Ух ты, мы переходим сразу к чему-то пожестче.

Май, казалось, была довольна собой. Сколько пощечин она запланировала? Он надеялся, что это не станет новым фетишем.

— Давай, садись! — настаивала Май, похлопывая по месту рядом с ней на ковре.

Он сделал, как она его попросила.

— Где твой учебник? Заметки?

— Для чего?

— У нас еще один день промежуточных экзаменов. Я помогу тебе подготовиться.

— Уфф... у меня все хорошо.

Он бы ничего не запомнил, если бы начал изучать что-то в таком состоянии. От этого ему только захочется спать сильнее.

— Ты раньше много зубрила? — спросил он.

— Я была слишком занята работой большую часть первого года, но с начала второго года я никогда не набирала меньше восьми баллов.

В Минагахаре использовалась десятибалльная шкала оценок. Один – самый низкий балл, а десять – самый высокий. Так что иметь не ниже восьми баллов по всем предметам было

достойно уважения.

— Какая неожиданная академическая дисциплина.

— Я просто занимаюсь, когда у меня есть время.

— Большинство людей будут валять дурака при любом удобном случае.

— Просто сосредоточься! Я - не все, что должно волновать тебя.

— Сейчас - все.

Иначе, он никогда бы не делал ничего столь изнурительного, как отказ ото сна.

— Даже если ты решишь мои проблемы, эта большущая куча листов с ответами так и останется невыученной.

— Слыша что-то столь логичное, я просто засыпаю.

— Ты будешь учиться.

— У меня сооовсем нет мотивации.

— Даже если я буду твоим личным репетитором?

— Если ты наденешь наряд девушки-кролика то, возможно, это придаст мне мотивации.

— Ты со всеми так поступаешь, Сакута?

— Так я говорю только с тобой, Май.

— Не похоже на комплимент.

Он зевнул. Слезы, в уголках его глаз, обжигали.

— А если я надену наряд девушки-кролика, ты будешь думать только о сексе. Тогда ты ничему не научишься.

— Я об этом не подумал.

Он вообще ни о чем не думал. Сакута просто говорил то, что первым пришло ему в голову.

— А как тебе такое? — сказала Май, — Если ты получишь сто баллов за экзамен, то я вознагражу тебя.

Это было очень заманчивое предложение. Он словил себя на том, что начал склоняться над столом.

— Это то самое знаменитое «Я сделаю все, что пожелаешь»?

— Да-да, «все», — сказала Май, дав понять, что это невозможно.

— У меня завтра высшая математика и современный японский, — сказал он, посмотрев на расписание. Он почувствовал себя более сосредоточенным, — Я могу получить сто баллов за высшую математику.

— Что? Ты что... умный? — устрaшенно спросила Май.

— Не, просто математику я понимаю лучше.

Именно из-за этого он должен был отказаться от японского и сфокусироваться на математике. На экзамене по японскому есть много моментов, в которых можно случайно или из-за непонимания вопроса ошибиться, что может стоить пары баллов. Получить максимальный балл по японскому очень тяжело. Но на высшей математике вопросы сформулированы точнее, используя свои знания вполне возможно набрать сто баллов, избегая метод тыка.

Он открыл тетрадь по высшей математике.

Но Май выхватила ее.

— Но это же ты предложила! Почему ты пытаешься меня остановить?

— Хотя я и сказала «все», однако я не стану делать все, что угодно, — ответила она с хмурым видом.

— Я не буду просить чего-то, что выходит за рамки разумного.

— Правда?

— Ну, к примеру, «Принять ванну вместе со мной».

— Это уже переходит все границы.

— Эх...

— Э-это же очевидно!

— Даже если мы будем в купальниках?

— Купальнике в ванне? Как тебе вообще такое в голову пришло?!

Ее пренебрежительный взгляд был острым, словно нож. Это определенно немного взбодрило его.

— А что насчет того, чтобы полежать на твоих коленях, пока ты будешь в наряде девушки-кролика?

— Почему ты выглядишь так, словно считаешь это приемлемым предложением?

Потому что он именно так и считал. Но, видимо, Май не разделяла его точки зрения.

— А как тебе идея сходить на свидание в Камакуру, в которую нам так и не удалось попасть?

Это предложение было настолько безобидно, что удивило Май.

— Хорошо, но... это действительно все, чего ты хочешь?

— Хочешь чего-нибудь похлеще?

— Я не говорила этого!

Она сильно ущипнула его за щеку.

— Ой! Я и так не сплю!

— Ты слишком самоуверен, для своих то лет.

На протяжении следующих двух часов она сидела с ним, помогая учиться.

Однако занимались они современным японским. Она не позволила ему попрактиковаться в

высшей математике.

— Никто не поручиться за твое будущее. Некому обеспечить твою старость. Оба слова читаются как hoshō но используются разные кандзи.

[П/П: В оригинале оба слова записаны катаканой - ホシヲ(читается как hoshō), для записи выделенных слов используются кандзи - 保証/保証 (тоже читается как hoshō).]

— Учитель, я испытываю трудности с этим заданием.

— Просто запиши их! — потребовала Май, тыкая в тетрадь, что лежала напротив него.

Сакута записал два кандзи – китайские символы, использующиеся в японской письменности.

— Какой из них используется для «Никто не поручиться за твое будущее»?

— Э...

Он не знал, в чем разница, так что просто показывал сначала на один иероглиф, потом на другой, наблюдая за реакцией Май, надеясь понять по ее выражению лица, какой из вариантов верный.

Но Май решила подыграть ему.

Она смотрела ему прямо в глаза, приятно улыбаясь. Хотя она и улыбалась глазами, выглядело это жутко.

— Можешь также написать «Никто не может обеспечить безопасность Сакуты, если тот продолжит хитрить».

— Прости. Мне нужна подсказка.

— Кандзи поручиться означает доказательство, гарантировать, а обеспечить – препятствие, заверить, защита.

— Тогда «Я могу поручиться за счастливое будущее Май» и «Мы можем быть уверены, что проживем счастливую жизнь»

— Не изменяй предложения! — она скрутила тетрадь и ударила его по голове, — Это не мило.

Как минимум казалось, что он ответил правильно. Если это будет на экзамене, то он, скорее всего, сможет ответить правильно. Ответ и выражение лица Май пересеклись и запечатались в его памяти.

Май продолжала давать ему задания, а Сакута продолжал учить кандзи, чувствуя, что играет в игру.

Но он не мог поддерживать свою бодрость постоянно.

Когда они прошли омонимы, Сакута встал.

— Я принесу что-нибудь попить, — сказал он, — Кофе, подойдет? Правда он растворимый.

— Мм.

Она листала книгу с кандзи, ища, какое бы еще задание ему дать.

Парень вышел из комнаты, зашел на кухню и поставил чайник.

Пока он ждал, взглянул в сторону комнаты Каэдэ. Свет уже был выключен. Она, должно быть, уже спит.

Он вернулся с двумя кружками растворимого кофе, поставив одну напротив Май.

— Молоко и сахар? — спросила она.

Сакута хотел взбодрить себя, так что решил ничего не класть в него, а потому ничего и не прихватил с собой.

— Сейчас принесу.

Он вернулся с пакетом сахара, молоком и ложкой.

Май все еще листала книгу с кандзи.

— Держи, Май.

— Спасибо.

Она добавила молоко и сахар в чашку, начав их размешивать.

Ему показалось это очень женственным, а потому Сакута наслаждался видом, после чего сделал глоток кофе. Горькая, черная жидкость полилась ему прямо в желудок. Жар от него чувствовался как облегчение.

— А где твоя сестра?

— Уже спит.

Казэдэ легла спать на час раньше, увидев, что Сакута занимается, пожелав ему удачи.

— А ты единственный ребенок в семье? — спросил он. Было похоже на это.

— Нет, — ответила Май, держа кружку двумя руками.

— А?

— После того, как мой папа развелся с мамой, он женился еще раз. Затем у него появился ребенок... сводная сестра.

— А она милая?

— Не милее меня, — сказала Май так, будто это было очевидно.

— Вау, так жестоко.

Его разум начал мутнеть.

Голова кружилась, а веки тяжелели.

— А тебе бы понравилась девушка, которая знает, что она милая, но все равно продолжает настаивать на том, что другие девушки тоже милые.

— Звучит не очень.

— Звучит ужасно.

— Но... это же твоя сес?..

Он неосознанно прекратил говорить. Вторая половина слова просто не выговаривалась.

Ощущение, словно он отделялся от своего тела.

«Черт» — подумал он. Однако парень не мог ничего поделать.

Он оперся о край стола, чтобы не упасть.

Его глаза уже были наполовину закрыты.

— Отлично. Оно сработало.

Он поднял взгляд и увидел лицо Май. Она ласково смотрела на него, однако за ее глазами скрывался страх, а краешки глаз были мокрыми.

— Май... какого?..

Ее тонкие, красивые пальцы держали что-то.

Маленькая баночка. «Снотворное» — гласила надпись на ней.

— Почему?.. — он еле-еле мог выдавить из себя шепот.

— Спасибо за старания, Сакута.

— Я еще... могу...

У него уже не получалось сидеть прямо.

— Ты сделал многое ради меня.

— ...Нет, я...

— Ты сделал достаточно.

Она протянула руку и положила ее на его щеку. Было тепло. Удобно. И щекотно. Однако это чувство быстро исчезло.

— Нет... я не должен...

Он не знал, сказал ли он вообще это.

— Я всегда была одна. Даже если ты меня забудешь, то все будет хорошо.

Май была расплывчата. Ее рука все еще лежала на его щеках, а пальцы касались его ушей.

— Спасибо за все.

Он не сделал ничего, что могло бы заслужить ее благодарность.

— И... прости меня.

Она не сделала ничего, чтобы просить прощения.

— Теперь можешь отдохнуть.

После ее слов глаза Сакуты закрылись. Его сознание впало в сон.

— Спокойной ночи, Сакута.

Глубокий, глубокий сон...

Не волнуйся.

Прямо сейчас, ты, возможно, чувствуешь грусть или разочарование...

Но с утра ты не вспомнишь ни меня, ни эти чувства.

Так что расслабься и выспись хорошенько.

Мне понравились последние несколько недель.

Прощай, Сакута.